

Философия истории по Коллингвуду

(*Leach S. Foundations of history: Collingwood's analysis of historical explanation. Exeter, UK — Charlottesville, USA: Imprint Academics, 2009. 250 p.*)

Издательство Imprint Academic выпустило в конце 2009 года книгу «Основания истории» с подзаголовком «Коллингвудов анализ исторического объяснения». Автор — философ Стивен Лич, это его диссертация на степень PhD. Для археологов его книга, помимо общего интереса к историческому объяснению, имеет и более непосредственный интерес, поскольку Коллингвуд был не только философом, но и археологом-профессионалом, написавшим важные труды по римскому времени в Британии.

Книга очень четко организована, написана ясным языком, с прозрачной логикой и последовательностью. План изложения простой и естественный: первая часть посвящена философии, вторая — истории.

В философской части шесть содержательных глав. В первой главе «Сочинения Колингвуда» Лич рассматривает деятельность своего героя как археолога и историка и выясняет, как он пришел к своему философскому проекту. Автор книги считает, что наибольший вклад Коллингвуда в археологию состоит в развитии археологической теории, хотя этот термин тогда, в 20-е и 30-е годы XX в., еще не применялся. О значении этого вклада Лич судит по тому, что, по его мысли, небольшая группа археологов, в которую он включает, кроме Коллингвуда, также Крофорда и Мортимера Уилера, пропагандировала новые идеи: 1) четкое осознание цели раскопок (не копать просто ради того, чтобы копать); 2) в исторических событиях видеть действия людей, совершаемые с некими мотивами, так что задача историков — понять эти мотивы; 3) для понимания исторических проблем изучать непременно историю их изучения (с. 13). Это очень общие идеи, и археологи, которых Лич объединил под ними, на деле принадлежали к разным течениям: Крофорд был основоположником географической школы, Уилер излагал основы теории диффузии, под влиянием Коллингвуда сформировалась школа британских гиперскептиков, отвергавших (по крайней мере, в теории) объективность наших обобщений и реконструкций. Глин Дэниел даже в названии («Идея преистории») повторил книгу Коллингвуда («Идея истории»).

Из сочинений Коллингвуда Лич очень полно и подробно рассматривает все его философские работы, но значительно скупее — его археологические работы. Это естественно: Лич — философ. Их методика от него ускользает. Между тем, он, видимо, верно замечает, что философский проект Коллингвуда возник из сложностей, на которые тот натолкнулся в своих археологических трактовках.

Третья глава разбирает обстановку в философии и стимулы появления философских книг Коллингвуда «Эссе о философском методе» и «Эссе о метафизике». Первая направлена против сторонников оксфордского реализма в философии, утверждавших, что при налаженном познании реальность можно воспринимать как она есть, вне зависимости от познающего субъекта и процесса познания. У нас эта позиция считалась близкой к материалистической

(хотя это может быть и реальность идей). Коллингвуд отвергал такую возможность: процесс познания и состояние субъекта очень сильно воздействуют на образ познаваемого объекта.

Суть второй книги — в критике логического позитивизма, который отвергал любые формы знания, кроме полученных путем простой обработки фактического материала: эмпирические предложения, добытые из него, по мнению венских и берлинских неопозитивистов должны обрабатываться логическим механизмом, выраженным в аналитических предложениях. Отвергалась всякая метафизика — то есть априорные знания, фундаментальные предпосылки для логики и вообще для позитивных наук. Коллингвуд и здесь был на стороне априорной сети знаний как ткани, в которую нужно вплетать факты, добытые эмпирическим путем. В основе каждой дисциплины, считал он, лежат «абсолютные предпосылки», априорные и неverifiedируемые. Метафизикой Коллингвуд и называет выявление этих предпосылок. Он считает ее наукой, то есть организованным и систематизированным знанием. Зная, что многие философы считают метафизику неким учением о свечувственных принципах бытия и даже учением о Боге, он это отвергал. Такое учение о «чистом бытии» он называл «онтологией» (нам более привычно другое понимание онтологии) и требовал заниматься «метафизикой без онтологии». В этом требовании есть ратование за освобождение историка от чуждых науке схоластических мудрствований (это и подчеркивает Лич), но есть и отрицание значимости (для наших образов) реального прошлого (стоящего за ними).

Лич уделяет по главе (IV и V) каждой из этих книг в отдельности, а в главе VI рассматривает специально споры Коллингвуда с Райлом об онтологии.

Вторая часть книги Лича, посвященная истории, содержит восемь глав. Первая имеет дело с предметом и абсолютными предпосылками истории. Лич перечисляет виды истории, выделяемые, критикуемые и отвергаемые Коллингвудом («история с ножницами и клеем», критическая история, предшественники научной истории), и противопоставляет их «научной истории» Коллингвуда. При этом научность для Коллингвуда заключается в том, что история основана на «абсолютных предпосылках», вводимых для нее «метафизикой».

Далее у Лича следуют три главы, в которых разбираются три узловых вопроса исторического исследования по Коллингвуду: различие внутреннего и внешнего рассмотрения события, его воспроизведение (*re-enactment*) и причинность (*causation*). Под различием внутреннего и внешнего рассмотрения подразумевается очень существенная для Коллингвуда разница между изучением природы и человека: в то время как, изучая природу, мы остаемся внешним наблюдателем, как только заходит дело об изучении человеческих действий, мы должны понять его мотивировку этих действий, то есть проникнуть в его психику, войти внутрь «агента» — действующего лица. Только такое исследование Коллингвуд называл историческим. Для него последовательность во времени не имела значения для определения истории, и естественная история не существовала. История для него состояла только из поступков индивидов — действий, мотивированных рациональными идеями. На возражение, что не все поступки рациональны, он отвечал, что плохой резон — тоже резон.

Соответственно, воспроизведение Коллингвуд рассматривал не как возможность интуитивного точного копирования мыслей исторического персонажа,

а как рационализацию его действий. Традиционное различие объективного и субъективного Коллингвуд считал следствием теории копирования (мы бы сказали теории отражения). Вместо этого различия он предлагал различать мышление непосредственное и опосредованное. Непосредственное — это опыт без осознания, он не может быть воспроизведен. Опосредованное мышление — это опыт с осознанием логической структуры и содержания, и это база для рационального воспроизведения (с. 110).

Нетрудно заметить, что, занимая свою позицию, Коллингвуд развивает взгляды неокантианцев, но имена Рикерта и Виндельбанда совершенно отсутствуют в книге Лича.

В причинности Коллингвуд различал три смысла: исторический (когда причина и следствие являются человеческими действиями), практический (когда, как в механике, причина под контролем, а следствие подконтрольно лишь через причину) и теоретический (когда события происходят независимо от человеческой воли). Только этот третий смысл Коллингвуд связывает с причинным объяснением по Юму, Конту и Миллю — объяснением через охватывающий закон, столь излюбленным неопозитивистами. К истории оно не относится. Лич считает, что «рациональное объяснение» Дрэя, по которому историки подыскивают резоны действий индивидов в соответствии с сериями нестрогих законов, инспирировано Коллингвудом.

Еще в трех главах Лич занимается дискуссией Коллингвуда с оппонентами, оценкой спекулятивного компонента в его философии и гипотезой о радикальной смене взглядов Коллингвуда между 1936 и 1938 гг., в результате которой Коллингвуд сильно продвинулся к историческому релятивизму (Лич отвергает это). Лич считает, что спекулятивная философия оставалась у Коллингвуда внешним придатком к его критической (аналитической) философии (с. 141).

Поппер называет невозможность предвидения в истории историзмом, Коллингвуд — разложением по полочкам (*pigeon-holing*). «История оканчивается не в будущем, а в настоящем», — заявлял он (с. 143).

Наиболее любопытной мне представляется последняя, пятнадцатая глава в книге Лича — «Историческая методология» с подзаголовком «Историк и детектив». Коллингвуд, желая показать, что историк способен рационально понимать мотивы поступков исторического персонажа, говорит о том, что каждый из нас понимает ведь мотивы поступков другого, сравнивая с самим собой и внося соответствующие коррективы на различия характеров и обстоятельств. Коллингвуд сравнивает историка с детективом в своем знаменитом очерке «Кто убил Джона Доу». Для плодотворности раскрытия преступления и понимания исторических событий нужно строго отделять данные от интерпретации. Лич полагает, что Коллингвуд делал это недостаточно и что для спасения его системы нужно убрать это напряжение (с. 149).

Несмотря на мелкие поправки и коррективы, Лич выступает как адепт Коллингвуда, его сторонник и защитник. Поскольку он исходит из непреходящей ценности системы взглядов Коллингвуда, он даже не считает нужным ее излагать, показывать, как она работает. Это особенно наглядно выступает в сравнении с подачей системы Коллингвуда у его принципиального противника болгарского марксиста Николая Ирибаджаква (1972). Чтобы найти уязвимые места в методологии Коллингвуда, Ирибаджаква подробно излагает ее суть,

освещает ее структуру и основные понятия — «данные», «знаток-информатор» («authority»), «отбор», «сеть» («web») и «установленные пункты», «интерполяция», «историческая конструкция», «априорное историческое воображение», — прослеживает ее работу, показывает, в чем ее сила и убедительность. А затем уже критикует его априоризм, находя веские аргументы против чистого априоризма. Ничего этого нет у Лича. Вся его книга выглядит не как экспозиция системы Коллингвуда, а скорее как собрание философских комментариев к основным положениям системы Коллингвуда.

Философу естественно и привычно работать с чистым и отвлеченным мышлением, так что априоризм его не пугает и представляется вполне правомерным экспериментом. Но как только исследователь переходит на поле истории и археологии, с их конкретизацией исследовательских ситуаций и погруженностью в реалии, приверженность априоризму сразу же натывается на недоуменные вопросы и возникает напряженность. Мы знаем из опыта, что наши конструкции исторической сети не произвольны и не безграничны, так же как те «абсолютные предпосылки», на которых наша «метафизика» базирует историю. Возникая из предшествующего мышления, они не возникают из «чистого мышления». Даже когда, казалось бы, отсутствуют материальные следы прошлого — артефакты и письменные источники, — мы сами являемся таким следом, ибо в нас отложилась не только наша биография, но и давнее прошлое человечества.

Конечно, нет оснований упрекать Лича в недостатке профессионального исторического разбора — философ Лич, естественно, рассматривает построения Коллингвуда с позиций философа. Даже в исторической части он больше занимается не методологией истории, а философией истории. Но упрек может быть сделан в недостатке критичности, а тут рассмотрение эффективности действия принципов Коллингвуда в значительной степени зависело бы от проверки их работы именно в истории и археологии. Причем это относится не только к оценке их слабостей, но и к оценке их плодотворного воздействия.

Литература

Ирибаджаков Н. 1972. Клио перед судом буржуазной философии. К критике современной идеалистической философии истории / пер. с болг. М.: Прогресс.